

ЭССЕ

ТВОРЧЕСТВО И МАССЫ: ДИАЛЕКТИКА ОПЕРЕЖЕНИЯ

*Булавка Людмила Алексеевна – д.ф.н.,
ведущий научный сотрудник Российского
института культурологии*

«За несколько месяцев, прошедших со дня публикации, я потерял примерно половину своих друзей-единомышленников и приглашений на симпозиумы, радикально уменьшилось число публичных дискуссий, на которые меня звали, и мне стало значительно труднее высказаться на актуальные темы в периодике. Общее отношение формулировалось примерно так: «Маркс – еще ладно, но Ленин – это чересчур»¹, – признавался С. Жижек в одном из своих интервью после выхода на Западе его книги «13 опытов о Ленине».

Подобное отношение активно господствует сегодня и в среде российских интеллектуалов. Тем не менее, имя Ленина сегодня в либеральной России актуально: оно – и мишень медийных идеологов в деле неустанной антикоммунистической пропаганды; и одна из специализаций мега-производства современных либеральных мифов; и средство идейно-этической реабилитации Сталина; и повод для утверждения на основе мнимых открытий, связанных с ним, мелких авторских амбиций; и всегда подходящий случай для подтверждения личного идейного верноподданничества господствующей «линии партии» (от страха не быть «как все», да и для карьеры не помешает); и многое другое.

Нетрудно догадаться, что во всех этих случаях отношение интеллектуалов к личности Ленина чаще всего окрашено чувством глубокой неприязни, если не сказать – антагонизма. Впрочем, это и не удивительно. Для «просвещенного» обывателя, занимающегося этическим обоснованием принципа мещанского бытия, нет большего врага, чем Ленин. И вот почему.

Во-первых, Ленин лично и практически доказал, что интеллигент, будучи творцом культуры, не только может, но еще и должен быть субъектом ответственного бытия в истории. Кстати, эта позиция разделялась не только политическими соратниками Ленина, но и лучшими представителями интеллигенции².

¹ См.: Славой Жижек. «Ленин лучше некрофилов». Интервью с автором книги «13 опытов о Ленине» // <http://www.politizdat.ru/interview/12/>

² Отвечая на вопрос анкеты газеты «Эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» – Блок в январе 1918 г. писал: «Может и обязана... Интеллигенция всегда была революционна. Декреты большевиков – это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки» // Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 6. М.–Л., 1962. С. 8.

Во-вторых, на теоретическом уровне Ленин фундаментально обосновал диалектическую взаимосвязь культуры с идеей революционного (снимающего отчуждение) преобразования действительности, развернув на это все три теории: революции, государства и культуры.

В-третьих, и это самое страшное для обывателя, – на основе этих идей Ленин сумел обрести идейную опору в революционных массах и более того, способствовать их историческому пробуждению и движению. Для обывателя само понятие «массы», тем более – «проснувшиеся», воспринимается как знак тотальной катастрофы. Утверждая тождество между понятиями «революционные массы» и «потребительские массы», равно как между «коммунизмом» и «фашизмом», тем не менее, первых обыватель боится больше.

Для интеллектуала масса – это только что-то темное, чуждое и опасное. «*Эти массы, гудящее голодное зверье... Что это? Что это...*» – так писала Зинаида Гиппиус в ноябре 1917 г.

А вот такой известный философ, как Ортега-и-Гассет, идет дальше: он применяет понятие «массы» уже к целым народам, которые, по его мнению, противостоят «великим творческим народам». «*Раз уж наступает «закат Европы» и править Европа не будет*», – пишет он, – «*народы и народники скачут козлами, кривляются, паясничают или надуваются, пыжатася, притворяясь взрослыми, которые сами правят своей судьбой. ...В определенном смысле появляются народы массы, которые решительно восстанут против великих творческих народов, против отборного меньшинства, которое создало историю*»³. И далее: «*К чему все это ведет? Европа создала систему норм, ценность и плодотворность которых доказана столетиями... Теперь народ массы отменяет нашу систему норм, основу европейской цивилизации; но так как он не способен создать новую, он не знает, что делать, и, чтобы занять время, скачет козлом*»⁴.

Если отсюда убрать поправку на имя Ортега-и-Гассет, то смысл этого текста обретает ошеломляющую однозначность: есть народы – массы и отборное меньшинство – творческие народы. И если первые не дорастают до понимания той системы ценностей, которая создана избранными народами, то они обречены быть уподобленными прыгающим...

Вот она, «демократичность» избранного меньшинства, – ничего не скажешь!

Но, как пытается уверить нас философ: «*Либерализм... проявляет небывалое великодушие: свои права, права большинства, он добровольно делит с меньшинствами; это самый благородный жест, когда-либо виданный в истории*»⁵.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопросы философии. 1989. № 3. С. 130.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 146.

Т. е. согласно мнению Ортеги, отборное меньшинство, обладая правами большинства, поднимается до такого великодушия, что добровольно (!) делит их с меньшинствами. Да, барское «благородство» – это также черта избранных.

Но у этой философии деления на избранных и остальных есть все же ахиллесова пята – это национальный вопрос. «*В эпохи укрепления, консолидации государства национализм несомненно имеет положительную ценность и стоит на высоком уровне*»⁶ – утверждает философ Ортега-и Гассет. Но история XX показала, к чему приводит данная философия, когда она обретает практику политического воплощения деления народов на избранных и на «народы массы», которых для укрепления национального государства можно миллионами отправлять даже в газовые печи.

Опыт большевиков: столетие актуальности

Исходя из всего этого, нетрудно предположить, что с наибольшей вероятностью реакция интеллектуалов на проблематику уже данной статьи прозвучит именно так: *Ленин – еще ладно, но вот массы в качестве творца истории и тем более культуры – это, действительно, уже чересчур.*

И действительно, Октябрьская революция, равно как и возникший на ее основе СССР со всеми его практиками, – все это уже, казалось бы, давно осталось в прошлом. На дворе истории уже век глобализации, задающий свои собственные вопросы.

Да и само название проблемы чего стоит: *революционные* (значит, бунтующие?) *массы как творец* (такое невозможно в принципе) *новой действительности* (это совсем непонятно).

Современным интеллектуалом такая формулировка проблемы воспринимается не иначе, как абстракция, идеологический штамп, особенно сегодня, когда он все более обреченно поглощается сетями рыночных и бюрократических отношений, в которых для него есть лишь одно измерение – единичность самоотчужденного бытия, по ту или другую (это уже неважно) сторону тотального прилавка.

Если говорить уже о самой общественной реальности, то приходится признать, что сегодня в условиях исторической изношенности институтов «представительной демократии» (угодливое обслуживание ею бюрократии и криминального капитала – тому прочное доказательство) формируется тот класс проблем, который по своей значимости является значительно более важным, чем вопросы современного финансового кризиса и нефти. Объективная необходимость разрешения этих проблем рождает как теоретический, так и практический поиск альтернатив тем превратным формам «жизнедеятельности», которые сегодня достаточно жестко навязываются и обществу, и индивиду законами глобального рыночного тоталитаризма.

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопросы философии. 1989. № 3. С. 152.

И сегодня имеется уже целый ряд серьезных теоретических исследований, занимающихся проблематикой социально-экономических и культурных альтернатив, представленных, прежде всего постсоветской школой критического марксизма⁷. Кроме того, поиск альтернатив активно ведется и в рамках различных общественных практик, возникающих в том числе на основе международного альтерглобалистского движения⁸, несмотря на все его внутренние противоречия.

Эти альтернативы связаны с поиском принципиально новых форм демократии – «grassroots democracy» («демократия корней травы»); новой субстанции развития культуры и природы, освобождающей их от диктата коммерциализации; нового онтологического принципа, предполагающего субъектное бытие индивида, т. е. всего того, без чего невозможно решение такой центральной проблемы современности, как самоотчуждение индивида.

⁷ Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., 2009.

А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранное). М., 2009.

Кризис: альтернативы будущего (под ред. А. Бузгалина, П. Линке). М., 2010.

М. И. Воейков. Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. М., 2003.

Мировые кризисы XXI века: принципы, природа, альтернативы, преодоление. М., 2009.

А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Мы пойдем другим путем. М., 2009.

Демократия и рынок: противоречия и альтернативы (под ред. М. И. Воейкова). М., 2009.

А. В. Бузгалин. Шансы России в глобальной неэкономике. М., 2003.

Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? (под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова). М., 2008.

А. В. Бузгалин. Ренессанс социализма. М., 2003.

Социальная экономика: теория и практика. М., 2009.

СССР. «Застой» (под ред. Л. А. Булавки, Р. Крумма). М., 2009.

Человеческий потенциал модернизации России (стратегия опережающего развития-2006). М., 2006.

1917–2007: Уроки СССР и будущее России. М., 2007.

Либерализм, социал-демократия, коммунизм: академическая дискуссия. М., 2005.

А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века. М., 2005.

Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория (под ред. М. И. Воейкова). М., 2007.

⁸ Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». М., 2003.

Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия. М., 2010.

Вот почему обращение к общественным практикам 20-х гг., и в первую очередь к тому, что составило их суть, – социальному (революционному) творчеству масс, сегодня столь актуально, ибо в свое время это явилось важнейшей предпосылкой в деле преодоления отчуждения индивида от истории и культуры, а значит, и решения проблемы самоотчуждения.

Надо сказать, что вопрос о роли масс как революционного субъекта был одним из дискуссионных в истории дореволюционных общественных дебатов. По мере развития революционных событий становилось все более понятным, что возможный выход этого субъекта на арену исторических действий будет определять тот общественный контекст, с которым каждому придется считаться и согласовывать свои витальные интересы, образ жизни и масштаб личных перспектив. Понятно, что страх, идущий из надвигающейся угрозы попасть в прямую зависимость от тех, кого – «*тьмы, и тьмы, и тьмы*» (А. Блок) и кого прежде за людей (не то что за граждан) не считали, объективно усиливал классовое неприятие этого нового общественного субъекта, но нарастающий ход исторического движения предотвратить уже не мог.

Масштаб и острота общественных противоречий накануне 1917 года в целом были таковы, что требовали своего незамедлительного и диалектического разрешения. Любые попытки решить их посредством частичной и главным образом лишь политической модернизации системы лишь ускоряли ее распад.

Ленин же не просто угадал эту диалектику, он задал ей теоретический ход еще до революции.

Прокладывание этой диалектики Лениным и большевиками уже в политической революционной *практике* задавало настолько крутой поворот общественного развития, что многими, причем как слева, так и справа, это было воспринято как политический произвол, более того – как насилие над историей. Это вызвало целую лавину обвинений в адрес Ленина и большевиков, якобы взявших курс на разрушение России. Вот лишь некоторые примеры такой реакции.

Василий Розанов: «...*Ленин и ленинцы производят государственное и общественное расстройство. Они мутят, смутяны, и вводят смуту уже в саму революцию, т. е. ее же явно губят. С приездом Ленина начался явный переворот в революции. Прошли ее ясные дни*»⁹.

Питирим Сорокин: «...*Временное Правительство пыталось управлять демократически, а не деспотически, что требовалось историей. Власть должна была перейти к тем, кто этому повороту не противодействовал. Такой группой стали большевики. Они «гениально» примазались к историческому процессу. Они были рупором конвульсий общества, вызывавшихся войной и голодом. И они победили... Не могли не победить... Вынесенная «маховым колесом» истории – войной и голо-*

⁹ Розанов Вас. Как начала гноиться наша революция // Розанов Вас. Уединенное. М., 2006. С. 162.

дом – власть большевиков в это время действительно опиралась на плечи огромных солдатских, рабочих и крестьянских масс. Она действительно была солдатско-рабоче-крестьянской»¹⁰.

Иван Бунин: «Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»¹¹ (Из выступления в Париже 16 февраля 1924 г.). А вот какой была реакция Горького на это выступление Бунина: «Бунин умен по природе, достаточно образован. Видеть его в состоянии столь болезненного бешенства и обидно, и противно, и жалко художника. Пропал художник»¹².

Но среди идейных противников большевиков находились и те, кто, не принимая революции, понимал значение ее масштаба, например, как **Федор Августович Степун:**

«Большевизм – «это русские «мозги набекрень» ... и исповедь горячего сердца вверх пятаями»; это исконное русское «ничего не хочу и ничего не желаю», это дикое «улюлюканье» наших борзятников, но и культурнический нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискание героев Достоевского. Было ясно, что большевизм – одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма»¹³.

7 ноября 1917 г. **Зинаида Гиппиус** писала: «Да, черная. Черная тяжесть. Обезумевшие диктаторы Троцкий и Ленин сказали, что если они даже двое останутся, то и вдвоем, опираясь на массы, отлично справятся. Фронт без единого вождя... Казакам только до себя. Сидят на Дону и о России помышляют... Что это, уж не тот ли свет?»¹⁴.

Октябрьская революция вызвала страх и неприятие не только у идейных противников большевизма, но и у большей части интеллигенции, даже той, которая в будущем пополнит его ряды. Вот что писал в одном из своих писем М. Волошину в ноябре 1917 г. **Илья Эренбург:** «Москва покалеченная, замученная, пустая. Большевики неистовствуют. Я усиленно помышляю о загранице, как только будет возмож-

¹⁰ Сорокин П. Предисловие. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 946.

¹¹ Бунин И. Миссия русской эмиграции // Великий дурман. М., 1997. С. 132.

¹² Горький М. наброски к портретам // Архив Горького Т. XII. М., 1969. С. 242.

¹³ Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 205.

¹⁴ Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 419.

ность – уеду. Делаю это, чтобы спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить»¹⁵.

Вообще надо сказать, что среди российской интеллигенции мало нашлось тех, кого надвигающаяся революция не испугала масштабом исторических перемен и кто мог бы сказать, как А. Блок, – «содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия»¹⁶, или как Маяковский – «Моя революция».

Революция с беспощадностью показала, что одно дело любить мужика как образ собственных литературных сочинений, другое дело – уважать в нем право на проявление себя как равноправного гражданина, стремящегося освободить этот мир от всех форм угнетения, творить его себе на вырост, чтобы жить в нем, выражаясь словами Луначарского, «выпрямленным» человеком.

Так что, пока этот мужик оставался согбенным, то его с барским великодушием и в литературе можно было запечатлеть, а когда он начал выпрямляться, и этот мир стал трещать по швам (вот он – признак старья), то откуда ни возьмись, у интеллигента этот классовый окрик – как сметь!

Творчество масс и обыватель: теология отторжения

«Живое творчество масс». Смысл этого ленинского понятия окончательно был утоплен в ритуальном цитировании еще в 70–80-е гг., превратив его в конечном итоге в казенный штамп идеологической схоластики.

Следует отметить, что вообще это понятие с трудом и болезненно прививалось на почве интеллигентского сознания (не только отечественного), начиная с момента зарождения самой практики социального творчества. Для одних оно было непонятно, для других – идейно неприемлемо, для третьих – просто чуждо. Это понятие остается закрытым для большинства идейных течений и сегодня, в том числе для риторических «марксистов», лишенных диалектического взгляда на действительность и потому не видящих всех сложностей становления ростков этого «живого творчества». Про таких марксистов Ленин писал следующее: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики»¹⁷.

В свое время (летом 1919 г.) Ленин критически указал на эту проблему лично Горькому: «Как и в Ваших разговорах, в Вашем письме – сумма больших впечатлений, доводящих Вас до больших выводов... выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват – в нужде, нищете и болезнях осажденного города!! ...И занимается

¹⁵ Цит. по: Толстая Елена. А. Н. Толстой между небом и землей: первый эскиз революционного романа // http://www.plexus.org.il/texts/tolstoy_mejdu.htm

¹⁶ Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М.–Л., 1963. С. 504.

¹⁷ Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378.

Вы не политикой и не наблюдением работы политического строительства, а особой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, в лучшем – в редкостно наилучшем случае – растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старье предрассудки, запуганной и запугивающей себя.

Если наблюдать, надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни... Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее опровержение. Естественно. За первую Советскую республику – первые удары отовсюду. Естественно. Тут надо жить либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по-новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, нет бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте). Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового»¹⁸.

Сегодня содержание понятия «живое творчество масс» также остается закрытым, но чаще всего – просто неприемлемым. И причин для этого несколько.

Во-первых, мировоззрение российского индивида сегодня покоится, как правило, на **теистическом признании господствующих отношений**, которые он воспринимает в качестве неких трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. И набор этих трансценденций может быть самым разнообразным: например, идея частной собственности; бог как субстанция всего сущего; рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений; государство как социальный *patronus*; «русская идея» как знак особой национальной интеграции; Сталин как символ сильного государства; права человека как теодицея современного либерализма и мн. др.

Несмотря на свое различие, все они имеют то общее, что определяет их как разные модификации одного типа теизма – постмодернистского, отрицающего идею субъектного бытия человека. Постмодернизм, возникнув на основе некритического (*пустого*) отрицания отчужденных форм бытия, в итоге сам стал философским обоснованием, но теперь уже отчуждения как тотального содержания действительности. Так неснятость конкретных противоречий, приводящих к появлению тех или иных форм отчуждения, привела к утверждению отчуждения, но уже как тотальности. Из этого проистекает в том числе и абсолютное равнодушие постмодернизма к идее человека вообще, а в качестве субъекта – тем более.

Во-вторых, то обстоятельство, что понятие «живое творчество масс» для современного сознания находится за пределами восприятия, обусловлено еще и тем, что **современный российский индивид, находясь во власти превратных форм об-**

¹⁸ Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому от 31.VII.1919 // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 24–26.

щественной реальности, сам становится их продуктом. В статье *«Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма»*¹⁹ (А. Бугалин) дан глубокий фундаментальный анализ тех социально-экономических отношений, которые как раз и порождают превратные формы бытия современного индивида.

В-третьих, индивид в значительной степени сегодня **отчужден** еще и **от самого творчества**, которое все активнее вытесняется технологиями функционирования индивида, причем как в производственной сфере, так и в сфере досуга. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, они, как правило, сегодня оказываются во власти превратных форм. В любом случае современный индивид связывает свое творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым. А вот превратные формы действительности он воспринимает уже как нечто неизменное, от него не зависящее, но тем не менее властвующее над ним, и потому они расцениваются им как некая трансценденция.

В-четвертых, понятие «живое творчество масс», несущее в себе методологию ленинского понимания сущности вещей, не принимается обывателем, особенно «просвещенным», еще и потому, что предполагает *разворот на реальную действительность*, а не на пустопорожные трансценденции; вводит в качестве этического императива принцип *деятельностного бытия*; исключает принцип игры со словом – *слово должно быть делом*; вводит *критерий общественной значимости* личных интересов через соотнесение их с другими; *вменяет принцип организационной дисциплины* (а это уже самое недопустимое для интеллигента).

По поводу последнего Ленин в 1904 г. писал следующее: *«Интеллигентскому индивидуализму ... всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом»*²⁰. И действительно, просвещенным интеллигентом такой подход воспринимается не иначе, как диктатура *должного*, необходимость считаться с которой в советские времена реально стала едва ли не главной причиной его антагонизма ко всему тому, что он называл «советской системой».

В любом случае, современный обыватель эпохи глобализации, так же как и человек средневековья, даже не допускает мысли о возможности для себя быть тем, кто хоть в какой-то степени определяет лицо существующей действительности. В результате он для себя выбирает лишь путь приспособления к существующим условиям жизни. Как писал Ленин в своей работе «К оценке русской революции» (1908 г.): *«... Мещанство трусливо приспосабливается к новым владьям жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого...»*²¹. Но приспособиться к

¹⁹ Бугалин А. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма // Бугалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала. М., 2009. С. 212-258.

²⁰ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 344.

²¹ Ленин В. И. К оценке русской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 38.

современной реальности – это значит втиснуть себя в господствующие формы превратного бытия, постепенно превращаясь в соответствующий феномен превратной культуры.

Понятно, что это отчуждение не свалилось вдруг с неба на российскую почву, а появилось как результат неразрешенности противоречий советской системы, ставшей основанием для развития отечественного постмодернизма (у западного постмодернизма генезис другой).

Одним словом, понятие «живое творчество масс», лежащее по ту сторону теистического мировоззрения, для господствующих форм общественного сознания сегодня оказывается вне «зоны доступности», равно как когда-то гелиоцентрическая система Коперника для его современников. Это – с одной стороны. С другой стороны, восприятие такого рода несвоевременных (и это век спустя!) идей чревато революционизированием общественного сознания. Не случайно работы Коперника декретом инквизиции были запрещены с 1616 по 1828 г., а личность Ленина – до сих пор неустанная мишень негативной мифологизации.

Государство как предмет творчества масс

Октябрь 1917 г. как проявление закона больших чисел породил особый тип исторического движения масс. Ленин писал: «...политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика...»²².

Особенность этого пробуждения масс заключалась в том, что впервые в истории России «светофоры» общественного порядка устанавливали те, кому еще незадолго до этого была уготовлена участь либо быть «пушечным мясом» на мировой войне, либо крестьянским или фабричным рабом в тылу. Впервые в истории России вопросом общественного обустройства действительности начали заниматься массы.

Но, конечно, надо понимать, что революционные массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, в меру собственных представлений и сил; одним словом, на основе всего того «культурного богатства», которое ими было приобретено еще до революции. Эту сторону дела Ленин понимал очень хорошо, равно как и то, что именно это же социальное творчество стало той формой общественной практики, которая, выявляя всю меру культурной недостаточности масс, одновременно становилась формой ее преодоления.

Тем не менее, масштаб этих исторических преобразований был настолько всеохватывающим, что этого не могли не признать даже идейные оппоненты большевизма. Вот что по этому поводу, например, писал Ф. А. Степун: «...всем существом отрящая большевиков и их кровавое дело, ...я все же непосредственно чувствовал

²² Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального Комитета // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 16–17.

размах большевизма... Я все же продолжал ощущать октябрьскую революцию как характернейшую национальную тему»²³.

Происходившие в 20-е годы революционные изменения задали тот ход общественного развития, который был связан с освобождением действительных отношений от всех форм отчуждения (*разотчуждением*), порожденных не только прежним режимом, но и неразрешенными противоречиями уже советской действительности. Именно *деятельностное преодоление отчуждения (разотчуждение²⁴)* как раз и составляет содержание социального творчества. В этом заключается сущностная **особенность** (1) социального творчества.

Надо отметить, что большевики сумели ухватить в качестве главных проблему отчуждения и его преодоления, ибо в этом ключ качественных общественных перемен. Надо признать, что тогда никто, кроме большевиков, не связал проблему отчуждения с историческим творчеством революционных масс.

Кстати, такая же ситуация наблюдается и сегодня. Кто сегодня, кроме критических марксистов (о теологическом марксизме речь не идет), ставит проблему действительного преодоления отчуждения как важнейшую проблему современности?

Либералы? Сталинисты? Или, быть может, православные патриоты?

Вот, например, что по поводу отчуждения пишет А. Дугин: «*«Отчуждение» не просто присуще всему творению, но составляет его основное качество»²⁵.*

И далее продолжает: «*...чтобы в наше сложное апокалиптическое время и в наших специфических социальных и психологических условиях пробиться к вечной незамутненной обожающей Истине Православия, необходимо, прежде всего, научиться отслаивать от традиции продукты отчуждения, не придавая им серьезного значения, не сопротивляясь им, но и не поддаваясь им»²⁶.*

Но даже в том случае, когда автор признает идею борьбы с отчуждением как общее дело православных, в качестве метода его преодоления он предлагает «*стойкость в вере, верность преданию, мужество в исповедании Истины»²⁷.*

Впрочем, было бы удивительно, если бы идеализм предложил бы деятельностный подход. Кстати, следует заметить, что не только идеализм составляет глубокую общность между либерализмом, сталинизмом и православным патриотизмом²⁸.

²³ Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 204.

²⁴ Введя в свой оборот понятие «разотчуждение», автор пытался раскрыть его содержание в целом ряде работ. См.: Л. Булавка «Феномен советской культуры» М., 2008; Социалистический реализм. М., 2007; Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм. М., 2001 и др.

²⁵ Дугин А. Метафизика благой вести // Дугин А. Абсолютная родина. М., 1999. С. 413.

²⁶ Там же. С. 415.

²⁷ Там же. С. 416.

Если же говорить о самом социальном творчестве, то следует отметить, что оно не было гомогенным: внутри него различались разные общественные тенденции, нередко вступающие в противоречия друг с другом. Это было обусловлено и тем, что социальное творчество осуществлялось в условиях жесткой революционной борьбы нового со старым, и тем, что одновременно происходило становление субъектности революционного индивида. Соответственно, мера этого становления определяла и то, в какой степени это социальное творчество было свободно (или несвободно) от бюрократизма и патриархальности. Понятно, что борьба большевиков шла за становление того, что Ленин называл «живым творчеством масс».

«Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности», – подчеркивал он. – «...Социализм не создается по указу сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание народных масс»²⁹.

Или как сказал, один из героев А. Платонова: *«Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений»³⁰.*

Согласно определениям А. Бузгалина и А. Колганова³¹, *сущность социального творчества* – это есть созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т. п.), и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека.

Социальное творчество стало тем действительно новым общественным отношением, благодаря которому у масс появилась возможность не приспособливаться к существующему положению вещей, а *самим* формировать содержание социальных отношений в экономике, в социальной сфере, т. е. самим определять большую политику, то, что Ленин называл – «управлять государством». Но, будучи качественно новым отношением, оно, тем не менее, не повисало в воздухе абстракцией, ибо выросло из противоречий действительности. И Ленин постоянно подчеркивал эту диалектическую связь.

²⁸ Проблему общности либерализма и сталинизма автор поднимала в ряде своих статей. См.: Булавка Л. Оптика сталинизма – эффект ослепления // Политический класс. 2009. № 12.

²⁹ Ленин В. И. Ответ на запрос левых эсеров // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

³⁰ Платонов А. Усомнившийся Макар // Платонов А. Впрок. Проза. М., 1990. С. 635.

³¹ Это понятие фундаментально разрабатывалась главным образом в работах А. В. Бузгалина и Н. С. Злобина. Содержательно автор будет исходить из определения понятия «социальное творчество», данного А. В. Бузгалиным в книге «Глобальный капитал» // См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 458.

«Если действительно все участвуют в управлении государством», – писал он в своей фундаментальной работе «Государство и революция», – «тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь создает предпосылки для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществляемая рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.»³².

Таким образом, Ленин связывает социальное творчество революционных масс с содержанием такого понятия, как «управление государством», и эта идея проходит в работах Ленина красной нитью и в его теории культуры, и в его теории государства.

Итак, социальное творчество становится первым видом творчества, объектом которого являются *новые общественные отношения*, а предметом – не что иное, как *социальный институт* (государство). И это составляет **особенность** (2) социального творчества.

Все это тогда (впрочем, как и сейчас) казалось невысказанным делом: всегда государство являлось тем надличностным субъектом, по отношению к которому любой индивид всегда выступал только в качестве объекта. Да и сегодня – разве это не так? И вдруг эта социальная машина, от которой так жестко зависит жизнь любого человека, становится (1) предметом, да еще – (2) творчества, да еще – (3) революционных низов.

Более того, революционные массы впервые в отечественной истории рассматриваются еще и в качестве критерия для определения силы государства. Ленин прямо говорит об этом: *«Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»³³.*

Вот это действительно революционно, причем, настолько, что против этого объединятся в один оппонирующий ряд и либералы, и сталинисты, и православные патриоты, и постмодернисты. Что же говорить о той волне протеста против этого ленин-

³² Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 100.

³³ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября). Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 21.

ского подхода, которая возникла тогда – в 20-е гг. И все же среди интеллигенции находились те, кто понимал масштаб и необходимость этих исторических перемен³⁴.

Предвидя соединение таких понятий, как «пролетариат» и «власть», А. Блок в июне 1917 года в письме к матери писал следующее: *«Если пролетариат будет иметь власть, то нам придется долго ждать порядка, а может быть, нам и не дожидаться, но пусть будет у пролетариата власть, потому что сделать эту старую игрушку новой и занимательной могут только дети»*³⁵.

Итак, включение революционных масс в управление государством стало первой составляющей социального творчества.

Социальное творчество как способ включения в культуру

Другая важная составляющая социального творчества – это ее взаимосвязь с понятием «культура». Об актуальности этой составляющей говорит хотя бы то обстоятельство, что накануне октября 1917 г. этот вопрос был предметом острейших дискуссий, и чаще всего в такой постановке: допустима ли в принципе социалистическая революция, учитывая низкий общеобразовательный и культурный уровень развития угнетенных масс, являющийся следствием его реального положения в обществе?

А чтобы понять, каково было социальное и культурное положение рабочих и крестьян Российской империи, которой так гордятся современные монархисты, не обязательно изучать справочники российского земства (хотя это тоже не помешает), можно, вспомнить, например, А. П. Чехова: *«Взглянешь на фабрику, где-нибудь в захолустье. И тихо, и смирно, но если взглянуть вовнутрь, какое непроходимое невежество хозяев, тупой эгоизм, какое безнадежное состояние рабочих, дрязги,*

³⁴ В этом отношении представляет большой интерес позиция А. Ф. Кони, доктора права, бывшего сенатора, известного по делу В. Засулич, сразу перешедшего на сторону Советской власти и работавшего с коммунистическим энтузиазмом в деле просвещения революционного студенчества – и не только. За период 1917–1920 гг. профессор А. Ф. Кони прочел около тысячи публичных лекций в различных петербургских учебных заведениях: Как-то в своем разговоре с А. В. Луначарским по поводу свершаемых исторических перемен он сказал следующее: *«Ваши цели колоссальны, ваши идеи кажутся настолько широкими, что мне – большому оппортунисту, который всегда соразмерял шаги соответственно духу медлительной эпохи, в которую я жил, – все это кажется гигантским, рискованным, головокружительным. Но если власть будет прочной, если она будет полна понимания к народным нуждам... что же, я верил и верю в Россию, я верил и верю в гиганта, который был отравлен, опоен, обобран и спал. Я всегда предвидел, что, когда народ возьмет власть в свои руки, это будет в совсем неожиданных формах, совсем не так, как думали мы – прокуроры и адвокаты народа. И так оно и вышло»* См.: Луначарский А. В. Три встречи // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 301.

³⁵ Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М.–Л., 1963. С. 505.

водка, вши»³⁶. И далее: «Фабрика. 1000 рабочих. Ночь. Сторож бьет в доску. Масса труда. Масса страданий – и все это для ничтожества, владеющего фабрикой»³⁷.

Но можно привести и некоторые данные: например, в 1907 г. из государственного казначейства России были отпущены следующие средства:

- на все народное образование³⁸ – 101, 43 млн. рублей;
- на содержание церковного аппарата – 34, 8 млн. рублей;
- на содержание царской семьи – 17 млн. рублей;
- на расходы по подготовке войны – 442 млн. руб.³⁹

Положение с состоянием образования и культуры широких масс в России было настолько тяжелым, что Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России... Этому оуплению народа помещичью властью соответствует безграмотность в России... в России грамотных всего 21% населения, а за вычетом (из населения) детей дошкольного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27%»⁴⁰.

Но вопрос культуры не сводим только к вопросу образования. Здесь чрезвычайно важно социально-культурное состояние самих людей, а оно накануне 1917 года было изуродовано вековой эксплуатацией, войнами, тяжелым трудом, отсутствием смыслов достойной жизни. Поэтому, когда Ленин говорил о культуре, он имел в виду в первую очередь проблему человека и его развития.

Так что, казалось бы, уже само положение угнетенных масс предреволюционной России, не отвечающее требованиям даже европейского культурного минимума, давало однозначно отрицательный ответ по поводу состоятельности социалистической революции. Действительно, за этим вопросом стояло достаточно серьезное противоречие российской реальности накануне 1917 года: революция не может развиваться на базе низкого общекультурного уровня, а культура в свою очередь не может развиваться вне связи её с революционными общественными изменениями.

Характерный для интеллигентских кругов ход суждений по поводу разрешения данного противоречия, как правило, выстраивался в известную цепочку, тянущуюся

³⁶ Публикации. Архив А.П. Чехова. М., 1960. С. 49.

³⁷ Там же. С. 50.

³⁸ В 1914 г. в России (180 млн. чел.) насчитывалось 101 917 начальных, 1654 – неполных средних и 1953 средних школ. В итоге около 4/5 детей и подростков до революции было лишено образования. См.: Народное хозяйство в цифрах: Статистический справочник. М., 1925. С.50. Цит. по: История крестьянства СССР. М., 1986. С. 190.

³⁹ Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962. С. 8.

⁴⁰ Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения (Дополнения к вопросу о народном просвещении) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 127.

еще из народничества: сначала подъем культурного уровня – потом революция.

Еще до революции Ленин вел самые жесткие дискуссии и с меньшевистско-ликвидаторской позицией, игнорирующей творческий потенциал рабочих, и с отзовистами и ультиматистами, пренебрегающими общедемократическими задачами пролетариата. Этот оппонировавший ленинской позиции фронт был представлен достаточно известными именами. Вот лишь некоторые из них: В. Г. Архангельский⁴¹ А. С. Мартынов⁴², А. Н. Потресов⁴³, Н. Суханов⁴⁴ и др. Но особое место в этом ряду занимал А. Богданов⁴⁵, считавший, что, пока рабочий класс не создаст своей пролетарской культуры, он не может и не должен браться за дело социалистического преобразования общества. В противном случае – революция несвоевременна.

Но законы революции игнорируют хронотоп своевременности, врываясь без экзаменов на культурный минимум; больше того, революции сами экзаменуют и общество, и индивида, и культуру своими противоречиями и вызовами.

Ленин: красивый ответ на вызов истории

И большевики этот вызов приняли. В отличие от большинства интеллигенции, они не испугались дать исторический «ход» известному противоречию между низким уровнем культуры революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта в процессы социалистического преобразования реальности.

Учитывая все этого, можно сказать, что уже сам замах на решение этого противоречия востребовал диалектику в масштабе гениальности. Революция вообще не терпит срединного, мелкого (интересов, мировоззрения, подходов), за что ее так и ненавидит мелочный обыватель, особенно «просвещенный». Кстати, Ленин как раз и оказался тем, кто был органичен имманентным законам революции и в том числе – ее запросу на гениальность.

Если же говорить о политической ситуации, которая сложилась в среде образовательных структур, то она была чрезвычайно тяжелой: 26 октября 1917 г. на общем собрании членов Академии союза Петрограда был принят «Протест Академии союза» с призывом не поддерживать советскую власть⁴⁶; в этот же период возникают как активные, так и пассивные формы политического саботажа со стороны целого корпу-

⁴¹ См.: Архангельский В. Г. Культурная отсталость – источник нашего поражения. Пг., 1918.

⁴² См.: Мартынов А. С. Две диктатуры. Женева, 1905.

⁴³ См.: Потресов А. Рабочее движение и культура. Пг., 1918.

⁴⁴ См.: Суханов Н. Записки о революции. Кн.3. Берлин – Петроград – Москва, 1922.

⁴⁵ См.: Богданов А. О пролетарской культуре. 1904–1924. М., 1924.

⁴⁶ Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции. 1917–1927 гг. М., 1980. С. 23.

са учителей и служащих системы образования, в результате чего, несмотря на все попытки Наркомпроса предотвратить эту ситуацию был сорван целый учебный год (октябрь 1917 – весна 1918 г.). Кроме того, большевики столкнулись с проблемой отсутствия массовой базы квалифицированных кадров для обучения населения. Но это одна сторона дела.

Другая была связана с тем, что в этот период началось круговое развертывание международной интервенции против большевиков, нарастание тяжелейшей внутренней политической борьбы (то же восстание левых эсеров в июле 1918 г.), активное неприятие Октябрьской революции широким кругом интеллигенции, в том числе художественной. В январе 1918 г. З. Гиппиус писала: «...сейчас у нас (всех) только одна, узкая, самая узкая цель! Свалить власть большевиков. Другой и не должно быть... Все равно чем, все равно как, все равно чьими руками...»⁴⁷.

И, тем не менее, понимание трагической сложности этой ситуации не помешало большевикам удержать на первом революционном этапе ту историческую перспективу развития, на которую революцией был взят курс и с которой они пытались соотносить принимаемые политические решения. Кстати, принцип этого соотнесения был действительно общественным отношением, причем действовавшим не только наверху, но и внизу, войдя в обиход известным выражением – «Ну, что это по сравнению с мировой революцией!». И именно из этого соотнесения нередко возникала критика уже самой практики воплощения социалистических замыслов, ее превратных форм.

Поэтому идеологи большевизма понимали, что, во-первых, неразрешенность рассматриваемого здесь противоречия гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно появляются при его разрешении. Во-вторых, непосредственное включение революционных масс в социальные преобразования, т. е. в решение конкретных социально-экономических проблем, становилось – что очень важно – материальной предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, что составляет сущностную **особенность** (3) социального творчества.

Можно сказать, что потребность в культуре у революционного индивида могла возникнуть лишь из двух предпосылок: во-первых, из материальной деятельности по поводу обустройства новой жизни и попыток сохранения тех завоеваний, которые ему пришлось защищать в тяжелой борьбе; во-вторых, из насущной потребности индивида понять, в чем состоят его реальные интересы и перспективы.

Как писал Ленин: «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых масс трудящихся поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение»⁴⁸.

⁴⁷ Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 430–431.

⁴⁸ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению. 28 августа 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 77.

Творчество масс: его особенности

Надо сказать, что социальное творчество предполагает необходимость постоянно соотносить свою деятельность со сверхзадачей революции, суть которой – в созидании нового мира на основе высвобождения действительности из-под власти конкретных форм порабощения человека.

Это значит, что революционный индивид должен любое свое творческое действие (решение или поступок) всякий раз соотносить с идеей общественного развития (идеей мировой революции) как с неким всеобщим началом, что в свою очередь заставляет его также всякий раз понять, в чем состоит на данном конкретном историческом этапе его конкретно-исторический смысл. Это достаточно важный момент, ибо это обстоятельство формирует у революционного индивида *конкретно-историческую оптику*, оберегающую его от абстрактного подхода к вопросам революционной практики и научных форм ее осмысления. А ведь любой абстрактный подход – это всегда прямой путь в теологию, в том числе, в теологию революции, что всегда ведет к ее вырождению.

Итак, еще одна **особенность** (4) социального творчества – это то, что *оно предполагает развитие конкретно-всеобщего подхода*.

Кстати, необходимость соотнесения каждого акта деятельности с идеей революционного развития продиктована тем, что *социальное творчество характеризуется хронотопом переходности*, и это еще одна принципиально важная **особенность** (5) социального творчества. Дело в том, что хронотоп переходности определял критерий состоятельности социального творчества: в какой мере возникающие на его основе новые общественные отношения являются переходом из «царства необходимости в царство свободы», в той мере данный акт социального творчества можно считать состоявшимся. Понятно, что качество этого перехода в значительной степени определялось, в том числе, и мерой включения субъекта социального творчества в культуру. Включение же индивида в культуру в действительности оказывалось для него достаточно сложным делом: например, надо было определить для себя принципы навигации в этом мире культуры; разобраться, *что* из нее брать и самое главное – как это можно взять (при низком уровне образования данного субъекта это серьезная проблема); понять, как применить взятый культурный багаж, чтобы решение данной социальной проблемы было более эффективным, и многое другое.

Но в любом случае социальное творчество формировало у революционного индивида новую и особую потребность в культуре, которая становилась для него необходимой не для нарциссического самовыражения и не для мистической самоизоляции. Здесь не было отношения к культуре как музею ценных, но мертвых вещей; равно как и вульгарного утилитаризма, продиктованного узко-интеллигентским интересом использовать ее как сферу сакральных знаний и ценностей для укрепления своей профессиональной монополии. Для него культура становилась тем, что помогало ему отстаивать те жизненно важные завоевания, которые он добыл в тяжелой и

опасной для жизни борьбе – классовой борьбе. Кроме того, культура для него обрела и много других смыслов: она становилась для него и инструментом обустройства нового мира, и результатом прорыва в него, и *идеальным* этого нового мира, свободным от господствующей власти отчуждения. И самое главное – она становилась сферой подлинно человеческих отношений, построенных не на принципах – купли-продажи и не на иерархической подчиненности бюрократических структур, а на основе творческого товарищеского сотрудничества.

Можно смело сказать, что *социальное творчество открывало для своего субъекта новые смыслы культуры*. И это также его сущностная **особенность** (6).

В свою очередь, обращение индивида к культуре экзаменовало уже и самого революционного субъекта, замеряя его уровень культуры, принципиальность его позиции, масштаб его мировоззренческого обзора, его творческий потенциал, чуткость к пониманию смысловых значений и многое другое.

Одним словом, социальное творчество задавало такой принцип включения его в культуру, который, замыкаясь на процессы решения конкретных социальных задач, произрастал в нем *культурой нового общественного бытия*.

По-марксистски тонко подметив это, Ленин в действительности выдвигает идею соотношения критерия культурной состоятельности идей с онтологическим принципом индивида, что составляет одно из важнейших положений его теории культуры: *«Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычку»*⁴⁹.

Другими словами, социальное творчество выявляет следующую чрезвычайно важную его **особенность** (7): состоятельность идей как таковых в социальном творчестве определяется тем, в какой мере они сняты в культуре личного бытия индивида.

Вообще надо сказать, что социальное творчество для революционного индивида является субстанцией нового общественного бытия. И это составляет **особенность** (8) социального творчества. Дело в том, что социальное творчество, решая задачи, связанные с определением самих основ общественного бытия, именно в силу этого как раз и становится предпосылкой рождения новой онтологии.

Соответственно возникает вопрос – что это за задачи?

Вот формулировки Ленина из доклада и плана доклада на II Всероссийском съезде политпросветов (октябрь 1921 г.):

- *организация общественного учета и контроля;*
- *«учиться у арендаторов и капиталистов»;*
- *подъем производства;*
- *ликвидация безграмотности;*

⁴⁹ Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390.

-
- участие в борьбе с взяткой и волокитой;
 - повышение законности («научить бороться культурно за законность, ничуть не забывая границ законности в революции. Зло не в этом теперь, а в тьме беззаконий»);
 - налаживание производственной пропаганды⁵⁰.

Вообще, практика социального творчества показала одну закономерность: чем шире поле его задач, тем более актуальной для его субъекта становится культура. Другими словами, актуальность культуры определяется мерой включенности индивида в социальное творчество, и это также составляет его **особенность** (9).

Наряду с этим следует отметить еще и ту жизнеутверждающую силу социального творчества, которая рождалась из ежедневного и мощного по напряжению труда революционных масс, что признавали даже идейные оппоненты большевиков. Вот как об этом, например, писал Ф. А. Степун: «Находясь в постоянной и активной оппозиции к товарищам-революционерам, я все же не переставал удивляться той жертвенной энергии, с которой они боролись за будущую Россию, в которую они как бы эмигрировали еще до революции»⁵¹.

Резонанс социального творчества доходил и до них. Вот что по этому поводу в своей книге «Мысли о России» писал Ф. А. Степун, вспоминая первые годы революции: «Вспоминается группа деревенской молодежи, с которой наше «трудовое хозяйство» все самые голодные годы занималось предметами, философией и театром, готовя их к поступлению на «рабфак»... Вспоминается их изумительная энергия, непонятная работоспособность, совершенно чудовищная память, для которой пустяк в 3–4 дня среди тяжелой крестьянской работы выучить громадную роль и прочесть толстую, трудную книгу; их горячий энтузиазм знания, их быстрый духовный рост; их страстная жажда понять окружающую жизнь – и все это в каком-то новом гордом чувстве призванных и законных хозяев жизни. При этом, однако, ни тени заносчивости, наоборот – величайшая скромность и трогательнейшая благодарность. В самую горячую пору приходили они... «откосить» нам за преподанную им геометрию, алгебру и немецкий язык. Назвать эту молодежь большевистскою было бы, конечно, совершенно неверно, но все же: появилась ли бы она в деревне и без большевистской бучи – еще очень и очень большой вопрос»⁵².

⁵⁰ Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 155–175; Ленин В. И. План доклада на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 464–465.

⁵¹ Степун Ф. А. Нация и национализм // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 940.

⁵² Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 206–207.

Субъект социального творчества – массы?

Ленинская теория культурной революции в сущности своей была архидерзкой, причем не только для эпохи 20-х годов; сегодняшний ее вызов имеет характер уже глобальной дерзости. С точки зрения господствующих в начале XX века форм понимания и культуры, и политики Ленин выдвигает две вызывающие для того (равно как и для нашего) времени идеи: во-первых, это прямое выведение идеи общественного бытия культуры на жизнедеятельность социума, а во-вторых, прямое включение революционных масс в управление государством.

Данный подход выдвинул на арену исторического действия нового субъекта – революционные массы, хотя надо сказать, что существовали и другие формы субъектности (например, коллективный – партия, ассоциированный индивид – Маяковский). Конечно, эта идея родилась не впервые в истории мировой общественной практики, уже хотя бы потому, что был опыт Парижской коммуны, к которому так часто обращался Ленин. Но для российского общественного сознания начала XX века идея революционных масс как субъекта управления государством представлялась невероятной, недопустимой и более того – чрезвычайно опасной. Эти идеи были чужды многим господствующим течениям того времени и потому активно отторгались ими.

Критикуя «Вехи», профессор (член ЦК кадетов) **Н. А. Гредескул** писал: «*«Народа» для них...совсем не существует, а если он и существует, то скорее с оттенком отрицательной величины, в качестве «черни», которую то «казначейство», то «интеллигенция» так легко науськивают на анархическое разворовывание государства».*

И дело не только в уничижительной оценке – здесь не принимается сама идея «низов» просто как законной части российского общества со всеми следующими из этого правами, впрочем, как и обязанностями.

А вот отношение **З. Гиппиус** (22 декабря 1917 года) к новому историческому субъекту: *«Вчера был неслыханный снежный буран. Петербург занесло снегом, как деревня. Ведь снега теперь не счищают⁵³, дворники – на ответственных постах, в Министерствах, директорами, инспекторами и т. д. Прошу заметить, что я не преувеличиваю, это факт. Министрша Коллонтай назначила инспектором Екатеринбургского института именно дворника, этого же самого женского учебного заведения»⁵⁴.*

Но это неприятие «низов» как полноправного субъекта большой политики было характерно не только для российских «верхов», но и для научных авторитетов Запа-

⁵³ Для справки: 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.). Выходит – Декрет о всеобщей повинности по очистке снега в Петрограде на Петроградском железнодорожном узле. См.: Декреты советской власти. Т. I. М., 1957.

⁵⁴ Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 428.

да. Вот, например, какова по этому поводу была позиция **Ортеги-и-Гассета**: *«При нормальном общественном порядке масса – это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее, – направлял, представлял, организовывал – вплоть до того момента, когда она перестанет быть массой.... Но она появилась на свет не для того, чтобы выполнять все это самой. Она должна подчинить свою жизнь высшему авторитету, представленному отборным меньшинством. Можно спорить о том, из кого состоит меньшинство; но кто бы это ни был, без него бытие человечества утратило бы самую ценную, самую существенную свою долю. ...это закон непреложной «социальной физики», гораздо более непреложный, чем закон Ньютона. ...человек – хочет он этого или нет – самой природой своей призван искать высший авторитет. Если он находит его сам, он – избранный, если нет, он – человек массы и нуждается в руководстве.*

Стало быть, когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю о восстании масс»⁵⁵.

Применительно же к России, этот подход в изложении, например, российского философа **И. Ильина**, не принявшего ни Февральской, ни Октябрьской революции, имел более лаконичное выражение – народ просто должен *«уметь иметь царя»⁵⁶.*

Вот так просто. Впрочем, совсем не просто, если для этого целая наука требуется. И, как показала история, интеллигенция в лице «Вех», особенно после поражения революции 1905–1907 гг. продемонстрировала такую способность к освоению этой науки, что даже сама удивилась. В своей статье «Соль земли» **А. С. Изгоев**, один из авторов этого сборника, писал: *«Я глазам своим не поверил, когда прочел в статье Р.Б. такое место: «...поразительное сходство основных «новых» лозунгов авторов «Вех»: государственность, религия, национальность со старым девизом русской реакции: самодержавие, православие, народность»⁵⁷.*

Но исторический поворот на Октябрьскую революцию высвечивал и другую позицию, позволявшую увидеть потенциал революционных масс как субъекта истории. Активно участвуя в политических событиях Петрограда в июне 1917 г., А. Блок в одном из своих писем этого периода писал: *«На деле город все время находится в состоянии такого образцового порядка, в каком никогда не был...и охраняется ежечасно всем революционным народом, как никогда не охранялся. Этот факт сам по себе – приводит меня иногда просто в страшное волнение, вселяет особый род беспокойства: я чувствую страшное одиночество, потому что ни один интелли-*

⁵⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 122.

⁵⁶ Гулыга А. Путь к очевидности. Ильин // Гулыга А. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 227.

⁵⁷ Изгоев А. С. «Соль земли» // «Вехи»: pro et contra. СПб., 1998. С. 486.

гентный человек не может этого понять ...народ умный, спокойный»⁵⁸. И далее продолжая эту мысль: «Все это – только обобщение, сводка бесконечных мыслей и впечатлений, которые каждый день трутся и шлифуются о другие мысли и впечатления, увы, часто противоположные моим, что заставляет постоянно злиться, сдерживаться, нервничать, иногда – просто ненавидеть «интеллигенцию». Если «мозг страны» будет продолжать питаться все теми же ирониями, райскими страхам, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут – скоро, жестко и величаво, как делается все, что действительно делается теперь»⁵⁹.

Так что вопрос о роли масс в истории накануне революции разными общественными силами ставился по-разному: могут ли низовые массы (трудящиеся) быть субъектом общественных перемен; в какой мере это возможно; в какой мере это допустимо.

История революционных преобразований показала, что выведение трудящихся в качестве субъекта социального творчества несет в себе логику опережения реальности, ее действительных общественных отношений.

Революция и вандализм

Такой была одна – созидательная – сторона революции. Но была и другая.

Правда истории и логика исследования противоречий революционных практик 20-х гг. диктуют необходимость акцентировать и противоположную линию – разрушение, и в первую очередь, культурных ценностей, а также и репрессии по отношению к деятелям культуры в первый революционный период.

Но прежде чем говорить о разрушении культуры, следовало бы сделать одну поправку. Любая революция (с ее логикой перехода от старого к новому) всегда связана со сломом существующих общественных связей, правил, иерархий, т. е. с нарушением привычного порядка вещей, что неизбежно создает эффект гигантского разрушения.

Если же говорить конкретно уже об Октябре 1917 года, то в этом случае всегда следует помнить, что эта революция как раз вышла из неразрешенности противоречий Первой мировой войны. Более того, революционное развитие событий происходило в условиях продолжающейся войны, которая принесла с собою мощный разрушительный эффект экономики, социальных институтов, культуры и, самое главное, – человеческие потери (около 10 млн. чел).

Кроме того, не следует забывать еще одно обстоятельство: в условиях дореволюционного формально-полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого

⁵⁸ Блок А. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М.–Л., 1963. С. 502.

⁵⁹ Там же. С. 504.

порядка они проявились во всей своей неводержанности. Но ведь если бы массы обладали достаточным уровнем культуры, то актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением – можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения масс в энергию социального преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

На принципиальном же уровне советская система не только объективно, но и субъективно была заинтересована в сохранении и развитии культурного наследства. Примеры этого приведены в одной из предыдущих статей автора⁶⁰.

Противоречия социального творчества

Рассматривая вопрос социального творчества, нельзя не сказать несколько слов о его собственных противоречиях. Это достаточно серьезный вопрос, заслуживающий специального рассмотрения. Поэтому в данном случае мы ограничимся лишь тем, что попытаемся сформулировать некоторые из них.

- Социальное творчество, будучи объективным процессом творческого формирования общественной реальности как *конкретно-всеобщего* момента, тем не менее, находится в достаточно сильной зависимости от его субъекта (*особенного и единичного*).

- Социальное творчество, будучи по своему характеру творческим процессом, в тоже время должно соотноситься с принципами формального регулирования общественных отношений в поисках эффективного решения той или иной проблемы.

- Будучи носителем классового сознания, революционный индивид, тем не менее, должен находить такие решения социальных проблем, которые снимали бы в себе эту классовость. Другими словами, субъект социального творчества должен снимать *классовость* общественной формы своей деятельности в культурность ее содержания. Так происходит движение от *абстрактного* к *конкретно-всеобщему*.

- Социальное творчество, ориентированное на решение конкретных социальных проблем, порожденных, как правило, отношениями отчуждения, в то же время становится способом включения индивида в культуру в соответствии с ее имманентными законами.

- Социальное творчество обнаруживает *зеркальное* противоречие между формой и содержанием. Принято считать, что в культуре содержание определяет форму. В социальном творчестве эта связь сложнее: здесь содержание социального творчества определяет социальную форму бытия культуры, которая в свою очередь требует и соответствующее ей содержание.

⁶⁰ Булавка Л. Культура и революция: диалектика генезиса // Альтернативы. 2007. № 3, 4.

Итак, мы назвали лишь несколько имманентных противоречий социального творчества, обеспечивающих его жизнедеятельность, причем ровно настолько, чтобы можно было решить многие противоречия действительности. И социальное творчество действительно решает многие противоречия, например:

- межнациональные;
- межрелигиозные;
- между «элитой» и «массой»;
- между двумя ипостасями революционного индивида: как субъекта истории и как субъекта культуры;
- между бытом и бытием;
- между объективным интересом революционного индивида и формой его субъективного осмысления;
- между представителями разных профессий и мн. др.

Бессубъектное бытие – пролог к самоотчуждению

Завершая эту статью, следует еще раз подчеркнуть конкретное значение диалектической взаимосвязи «живого творчества масс» с культурой.

Во-первых, участие революционных масс в социально-творческих процессах управления государством реально стало единственным способом формирования у них творческого, социально ориентированного отношения к культуре, исключая и потребительский, и ритуальный, и теологический подходы к ней. Вне этой социально-преобразующей практики культура неизбежно становится предметом разного рода потребления, в том числе и партийно-бюрократического (не случайно образ Присыпкина – знак уже советской реальности).

Во-вторых, участвуя в той или иной мере в процессах живого созидания общественных отношений, индивид закономерно становился их продуктом (в некотором смысле барон Мюнхаузен, но только уже на материалистической основе). А так как логикой этих преобразований было *разотчуждение*, то соответственно, будучи их продуктом, он в конечном итоге сам становился воплощением живой конкретной альтернативы существующим формам отчуждения. Другими словами, участие индивида в социальном творчестве новых общественных отношений одновременно становилось и формой его общественной самодетерминации. Соответственно, отказ индивида от субъектного принципа бытия становится прологом к разным формам отчужденного бытия. Трагические последствия десубъективации советского человека, вызванные процессами сталинизации, бюрократизации, коммерциализации, – горькое тому доказательство.

Таким образом, социальное творчество является не только формой разрешения общественных противоречий, но и формой развития субъектности индивида, предполагающей развитие его во всем богатстве потенциальных возможностей. В этом и заключается гуманистический смысл революционных преобразований, их культурное

значение. Именно поэтому Ленин, исключая всякое украшательство своей позиции абстрактно-гуманистической риторикой (столь улаждающей слух интеллигенции), проблему социального гуманизма в первую очередь связывал с вопросом его реальных материальных предпосылок, вне которых все рассуждения на эту тему остаются лишь красивой, но пустой фразой.

Исходя из этого, трудно согласиться со следующим заключением такого серьезного автора как А. Л. Никифоров: *«Все, что выходило за пределы политических интересов – философии, искусства, истории – совершенно не интересовало его»*⁶¹. Относительно круга личных интересов Ленина, – думается, здесь сам за себя скажет уже лишь список тех авторов, к которым он обращался, и не раз⁶².

В-третьих, замыкание социального творчества на культуру имеет еще и гносеологическое значение, ибо оно вскрывает реальные противоречия, как реальности, так и самого субъекта. Делая вызов, эти противоречия в случае их дальнейшего разрешения выявляли созидательный потенциал революционных масс, а в случае их неразрешения – становились основой развития превратных форм «социализма», вовлекая в логику этой превратности уже и самого субъекта.

В-четвертых, социальное творчество стало формой нового типа демократии. На место представительной демократии приходит деятельностная демократия низов.

В-пятых, социальное творчество становится субстанцией решения национального вопроса.

В развитии социального творчества Ленин видел еще способ развития революционного гражданского самосознания, вот почему он постоянно подчеркивает, что в управление государством должны включаться именно широкие массы, включая мелкобуржуазную интеллигенцию и буржуазных спецов, *«Одна из самых главных задач теперь»*, – писал Ленин, – *«если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»*⁶³.

Итак, можно сказать, что в той мере, в какой массы сами творят общественные отношения, т. е. в той мере, в какой они осуществляют себя в качестве субъекта истории, в той мере у них формируется и особая потребность в культуре. Особенное

⁶¹ Никифоров А. Л. Философия науки: В. И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 83.

⁶² Крупская Н. К. Из книги «Воспоминания о Ленине» // В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1986. С. 428–444.

⁶³ Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

здесь заключается в том, что эта потребность предполагает не потребление культурных благ, а осуществление своей субъектности в мире культуры, своего авторского (личностного) осуществления.

Вот в этом и заключался ленинский ответ на вековое историческое противоречие: без культуры трудящиеся не могут созидать жизнь, отвечающей их интересам, но в то же время никто за них этот «новый мир» не построит.

И именно ленинская диалектика дает ключ к его решению: включить массы в культуру, но не напрямую, а опосредованно – через процессы живого преобразования общественной реальности. Да, у этой диалектики были и свои социальные, и культурные издержки, но любой другой подход оплачивается ценой во много раз превосходящей.

Завершить данную статью автор хотел бы фрагментом из заявки всемирно известного кинодокументалиста Дзига Вертова на съемку фильма «Три песни о Ленине» (продолжительностью в 1 час 06 минут):

«Тема всего фильма, заявленная в рамочных титрах – тождество между Лениным и процессом социальных и экономических трансформаций. Женщина, сбросившая паранджу; электричество, приносящее свет в деревню; вода, заставляющая расцвести пустыню; неграмотные, научившиеся грамоте, – все это и есть Ленин. Идентификация с прогрессом делает его живым до тех пор, пока страна движется вперед»⁶⁴.

⁶⁴ Три песни о Ленине – Режиссер Дзига Вертов // <http://deloteca.ru/st2/r28/t1/id64/>
